

Charles
DICKENS
1812–1870

Чарльз
ДИККЕНС

Наш общий друг

Роман

Санкт-Петербург

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44
Д 45

Перевод с английского
Наталии Волжиной и Нины Дарузес

Серийное оформление Вадима Пожидаева

Оформление обложки Вадима Пожидаева-мл.

© Н. А. Волжина (наследники),
перевод, 2021

© Н. Л. Дарузес (наследники),
перевод, 2021

© Издание на русском языке,
оформление.

ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2021
Издательство АЗБУКА®

ISBN 978-5-389-19145-7

КНИГА ПЕРВАЯ

УСТА И ЧАША

ГЛАВА I

На ловле

В наше время, хотя едва ли стоит упоминать, в каком именно году, между Саутуоркским мостом, построенным из чугуна, и Лондонским, построенным из камня, в один ненастный осенний вечер по Темзе плыла грязная и подозрительная с виду лодка, в которой сидели два человека.

Один из них был крепкий старик с лохматой седой головой и загорелым лицом, а другая — девушка лет девятнадцати-двадцати, смуглая и настолько похожая на старика, что в ней сразу можно было узнать его дочь. Девушка гребла, легко взмахивая веслами; старик не правил рулем: засунув руки за пояс, он зорко смотрел на воду. У него не было ни сети, ни удочки с крючками, и потому он не мог быть рыбаком; лодка была некрашенная, без надписи, без подушки для пассажира — в ней не было ничего, кроме ржавого багра да свернутой кольцом веревки — поэтому он не мог быть и лодочником; самая лодка была слишком неустойчива и мала для того, чтобы перевозить в ней грузы, — поэтому он не мог быть ни перевозчиком, ни бакенщиком. Непонятно было, чего именно он ищет на реке, но он чего-то искал настороженным и зорким взглядом. Час тому назад начался отлив, вода в реке убывала, и старик легким кивком головы указывал дочери, как вести лодку: то против течения, то по течению, обгоняя отлив и держась вперед кормой; он зорко вглядывался в каждую струйку, в каждый водоворот на широкой полосе отлива. Девушка следила за отцом так же настороженно, как он следил за рекой. Но в настороженности ее взгляда был замечен какой-то страх, даже отвращение.

Покрытая илом и речной тиной, вся разбухшая от воды и потому более сродни подводной, чем надводной стихии, эта лодка с двумя людьми в ней, по-видимому, делала свое привычное дело и искала то, чего издавна привыкла искать. Без шапки, взлохмаченный, с оголенными выше локтя загорелыми руками и сквозящей под космами бороды голой грудью, едва прикрытой концами кое-как завязанного шейного платка, старик глядел полудикарем, однако по его деловито-сосредоточенному виду заметно было, что это занятие ему знакомо с давних пор. Привычка к делу сказывалась и в каждом движении девушки, в каждом повороте ее гибкой фигуры, быть может, больше всего в ее взгляде, выражавшем страх и отвращение, — видно было, что все это для нее не ново.

— Прибавь ходу, Лиззи. Тут сильное течение. Постарайся его обогнать.

Положившись на ловкость девушки и уже совсем не правя рулем, старик сосредоточенно глядывался в волны настигавшего лодку отлива. Дочь так же внимательно следила за ним самим. Но вот косой луч заходящего солнца случайно упал на дно лодки и, коснувшись темного пятна гнили, похожего на закутанное человеческое тело, словно залил его кровью. Девушка невольно вздрогнула.

— Что с тобой? — спросил отец, который сразу это заметил, как ни занимал его двигавшийся вместе с лодкой отлив. — По воде ничего не плывет.

Красный луч погас, девушка успокоилась, и старик, обернувшись на мгновение и окинув лодку быстрым взглядом, снова стал смотреть в воду. Там, где сильное течение встречало какую-нибудь помеху, его взгляд всегда задерживался. Алчно горящие глаза рыскали по цепям и канатам причалов, по стоявшим на якоре лодкам и баржам, за кормой которых течение расходилось веером, по быкам и устоям Саутуоркского моста, по колесам пароходов, взбивавшим грязную пену, по стянутым скрепами звеньям плотов, спущенных на воду около верфей. Прошло не меньше часа, уже темнело, как вдруг старик взялся за руль и, круто свернув налево, стал править к сэррейскому берегу.

Не спуская с него глаз, девушка послушно отозвалась на его движение, снова заработав веслами: лодка повернулась

кругом, вздрогнула, словно от толчка, и старик всем туловищем перегнулся за корму.

Девушка натянула на голову капюшон плаща, закрыв им все лицо, и направила лодку вниз по реке, обгоняя отлив. До сих пор лодка вертелась почти на одном и том же месте, едва справляясь с отливом, теперь же берега быстро летели мимо: мелькнули сгустившиеся тени и загорающиеся огни Лондонского моста, — и с обеих сторон снова потянулись ряды кораблей.

Только теперь старик разогнулся и сел в лодке по-прежнему. Руки его были мокры и грязны, он вымыл их за бортом. В правой руке он что-то держал, и это что-то он тоже прополоскал в реке. Это были деньги. Прежде чем положить монеты в карман, старик звякнул ими, подул на них и поплевал, — на счастье, как объяснил он хриплым голосом.

— Лиззи!

Девушка, вздрогнув, повернулась к нему лицом, но продолжала грести молча. Она сильно побледнела. Крючковатый нос старика вместе с блестящими глазами и взъерошенными космами волос придавал ему сходство с потревоженным стервятником.

— Открой лицо!

Она отбросила капюшон.

— Вот так! И давай мне весла. Теперь я сам буду грести.

— Нет, нет, отец! Я, право, не могу. Отец! Не могу я сидеть так близко к нему.

Он двинулся было к ней, чтобы перемениться местами, но, видя ее испуг, снова сел на место.

— Что он тебе может сделать?

— Ничего не может, я знаю. Только мне этого не вытерпеть...

— Ты, кажется, реки видеть не можешь.

— Я... я ее не люблю, отец.

— А ведь ты рекой живешь! Ведь она тебя кормит и поит!

Девушка снова вздрогнула и на минуту выронила весла: она была близка к обмороку. Старик этого не заметил — он глядел в воду, на то, что тянулось на буксире за кормой лодки.

— Как тебе не стыдно, Лиззи! Ведь река твой лучший друг. Уголь, который согревал тебя в младенчестве, и тот

я вылавливал из реки, возле угольных барок. Корзинку, в которой ты спала, и ту выбросило на берег приливом. Даже качалку для твоей колыбели я сделал из обломка, выкинутого на берег волной.

Лиззи, положив весло, поднесла правую руку к губам и ласково послала отцу воздушный поцелуй. Но только что она взялась снова за весла, как вторая лодка, с виду очень похожая на первую, но не такая грязная, бесшумно выскользнула из тени и пошла рядом.

— Опять повезло, Старик? — криво ухмыльнувшись, спросил гребец, который был один в лодке. — Я так и знал, что тебе повезло, — заметно по следу.

— Вот как! — сухо ответил старик. — Значит, тебя уже выпустили?

— Да, приятель.

Теперь на воде лежал мягкий лунный свет, и человек во второй лодке, пропустив первую вперед на половину длины, стал пристально разглядывать след за ее кормой.

— Только я тебя завидел, сразу же сказал себе: «Вон Старик, и опять ему повезло, ей-богу повезло!» Это веслом задело, приятель, не беспокойся, я-то до него и пальцем не дотронусь. — Этими словами он отвечал на нетерпеливое движение старика и, подняв весло, ухватился рукой за край его лодки.

— Довольно уж его побило, Старик, хватит, — уж я-то вижу. Верно, давненько мотается по реке взад и вперед, а, приятель? Видишь, до чего мне не везет! Надо полагать, последний раз его пронесло мимо меня приливом, когда я сторожил вон там, под мостом. А ты, мне думается, издали их чуешь, словно коршун.

Он понизил голос и несколько раз взглянул на Лиззи, которая снова закрыла лицо капюшоном. Мужчины смотрели на след за кормой, словно околдованные, с выражением странного интереса.

— Вдвоем мы с ним шутя справимся. Забрать, что ли, его к себе, приятель?

— Не надо, — ответил Старик так резко, что «приятель», в недоумении поглядев на него, огрызнулся:

— Белены ты объелся, что ли?

— Да, объелся кой-чего, — ответил Старик. — С меня довольно! Какой я тебе «приятель»? Я тебе не приятель!

— С каких же это пор, мистер Хэксем?

— С тех самых, как тебя осудили за кражу. За то, что ты обокрал живого человека, — сердито и негодуя ответил Старик.

— А если б меня осудили за кражу у мертвеца?

— Мертвеца нельзя обокрасть.

— Как так?

— Так — нельзя. На что мертвецу деньги? Зачем это надо, чтобы у мертвеца были деньги? На каком свете находится мертвец? На том свете. А деньги на каком? На этом. Как же это может быть, чтобы деньги принадлежали мертвому телу? Разве покойник может владеть деньгами, нуждаться в деньгах, тратить деньги, разве он может хватиться своих денег или потребовать их? Ты лучше не путай, когда не знаешь, что правильно, а что нет. Да чего другого и ждать от труса, который норовит обокрасть живого человека.

— Я тебе расскажу...

— Ничего ты не расскажешь. А вот я тебе расскажу. Ты запустил лапу в карман матросу, живому матросу, и отсидел за это сущие пустяки — дешево отделался. Твое счастье, пользуйся, только не думай, что ты меня обведешь вокруг пальца этим своим «приятель». Прежде мы с тобой работали вместе, но больше уж не будем, ни теперь, ни после. Пустика. Отцепись!

— Старик! Ты что, хочешь от меня отделаться таким манером?

— Не отделаюсь так, попробую иначе: стукну по пальцам перекладной, а не то хвачу по голове багром. Отцепись! Гребь, Лиззи! Гребь живей, коли не хочешь, чтобы отец греб сам!

Лиззи налегла на весла, и вторая лодка скоро осталась позади. Старик, усевшись отдыхать в непринужденной позе человека, которому удалось отстоять свой кодекс морали и подняться на недоступную другим высоту, не спеша разжег трубку, закурил и стал разглядывать то, что было у него на буксире. То, что было на буксире, иногда словно рвалось прочь, иногда зловеще толкалось о лодку, а чаще всего

послушно следовало за лодкой. Человеку неопытному могло показаться, что рябь над этим местом страшно похожа на гримасы безглазого лица, но Хэксем был не новичок, и ему ровно ничего не казалось.

ГЛАВА II

Человек неизвестно откуда

Супруги Вениринг были самые новые жильцы в самом новом доме в самом новом квартале Лондона. Все у Венирингов было с иголочки новое. Вся обстановка у них была новая, все друзья новые, вся прислуга новая, серебро новое, карета новая, вся сбруя новая, все картины новые; да и сами супруги были тоже новые — они поженились настолько недавно, насколько это допустимо по закону при наличии новехонького с иголочки младенца; а если б им вздумалось завести себе прадедушку, то и его доставили бы сюда со склада в рогожке, покрытого лаком с ног до головы и без единой царапинки на поверхности.

Ибо все в хозяйстве Венирингов было натерто до блеска и густо покрыто лаком, — начиная со стульев в приемной, украшенных новыми гербами, и нового фортепьяно в нижнем этаже и кончая новой пожарной лестницей на чердаке. И это бросалось в глаза не только в убранстве дома, но и в самих хозяевах: поверхность везде еще немножко липла к рукам и сильно отдавала мастерской.

Чета Венирингов являлась источником постоянного смятения для одного безобидного предмета обеденной сервировки, который двигался словно на шарнирах, а по минованию надобности содержался над конюшней на Дьюк-стрит, возле Сент-Джеймс-сквера. Этот предмет сервировки именовался Твемлоу. Как близкий родственник лорда Снигворта он пользовался большим спросом, и обеденный стол во многих домах просто невозможно было себе представить без Твемлоу.

Мистер и миссис Вениринг, например, составляя список гостей, всегда начинали с Твемлоу, а потом уже прибавляли к нему и других приглашенных, словно доски к рас-

кладному столу. Иногда стол составлялся из Твемлоу и шести прибавлений, иногда из Твемлоу и десяти прибавлений; иногда, на парадных обедах, доходило и до двадцати прибавлений. В торжественных случаях супруги Вениринг сидели посередине стола, один напротив другого, так что сравнение оставалось в силе: чем больше прибавлений делалось к Твемлоу, тем дальше он оказывался от середины стола и тем ближе либо к буфету на одном конце комнаты, либо к оконным гардинам на другом.

Но не это повергало в смятение слабую душу Твемлоу. К этому он давно привык, и это было ему понятно. Бездна, глубин коей он не в силах был постигнуть, пучина, откуда всплывала вечно тяготившая и мучившая Твемлоу загадка, таилась в невозможности решить вопрос, самый ли он старый друг Венирингов или самый новый. Безобидный джентльмен подолгу ломал голову над этой загадкой, и в своей квартире над конюшней, и в холодной мгле Сент-Джеймс-сквера, весьма способствующей размышлениям. Так, Твемлоу впервые встретился с Венирингом в своем клубе, где Вениринг не знал еще никого, кроме человека, который их представил друг другу и казался самым близким другом Вениринга, в действительности же союз их душ был скреплен всего два дня тому назад, когда они познакомились за обедом, в один голос порицая клубных старшин за возмутительно пережаренное телячье филе. Вскоре после этого Твемлоу получил приглашение отобедать у Венирингов — и отобедал: среди гостей был и клубный друг Вениринга. Вскоре после этого Твемлоу получил приглашение отобедать у клубного друга — и отобедал: в числе гостей был и Вениринг. Кроме него, на обеде присутствовали: Член Парламента, Инженер, Плательщик Национального Долга, Поэма о Шекспире, Жалобщик и Представитель Министерства, по-видимому, все совершенно незнакомые с Венирингом. Однако вскоре после этого Твемлоу получил новое приглашение на обед к Венирингам, специально для встречи с Членом Парламента, Инженером, Плательщиком Национального Долга, Поэмой о Шекспире, Жалобщиком и Представителем Министерства, и за обедом сделал открытие, что все они самые близкие друзья Вениринга и что их жены, которые тоже присутство-

вали на обеде, являются предметом нежнейших попечений и сердечных излияний миссис Вениринг.

Вот каким образом случилось, что мистер Твемлоу, сидя у себя на квартире, твердил, потирая лоб: «Не надо об этом думать. Тут у кого угодно ум за разум зайдет», — и все же думал и думал и не мог прийти ровно ни к какому заключению.

Нынче вечером Вениринги дают банкет. Одиннадцать добавлений к Твемлоу, а всего за столом четырнадцать человек. Четыре осанистых лакея во фраках выстроились в прихожей. Пятый, поднимаясь по лестнице, возвещает: «Мистер Твемлоу!» — с таким мрачным видом, будто говорит: «Вот и еще один несчастный тащится обедать — ну и жизнь!»

Миссис Вениринг приветствует своего милого мистера Твемлоу. Сам Вениринг спешит обнять своего дорогого Твемлоу.

— Вряд ли грудные дети интересуют мистера Твемлоу, — щебечет миссис Вениринг, — это такая скука, но все же такой старый друг семейства непременно должен взглянуть на малютку.

— Да, да, куколка, — говорит мистер Вениринг, с умилением кивая этому новому предмету обстановки, — ты, конечно, будешь сразу узнавать нашего лучшего друга, как только начнешь узнавать всех своих.

И он тут же знакомит дорогого Твемлоу с двумя своими друзьями, мистером Бутсом и мистером Бруэром, причем Твемлоу ясно, что хозяин дома и сам не знает, который из них Бутс, а который — Бруэр.

Но тут происходит нечто ужасное.

— Мис-тер и мис-сис Подснеп!

— Душа моя, Подснепы! — говорит мистер Вениринг своей супруге, с выражением живейшего дружеского интереса, в то время как дверь распаивается настежь.

Непрестанно улыбаясь, под руку с женой в комнату входит весьма солидный мужчина с выражением непроходимой наглости на лице и, бросив жену, немедленно устремляется к Твемлоу.

— Как вы поживаете? Очень рад с вами познакомиться! У вас тут прелестный домик. Надеюсь, мы не опоздали? Весьма рад случаю, весьма рад!

Растерявшись от неожиданности, Твемлоу подается назад и дважды переступает своими сухими ножками в старомодных башмачках и шелковых чулочках, словно собирается перепрыгнуть через стоящий за его спиной диван, но солидный мужчина не дает ему ускользнуть и настигает его на полдороге.

— Позвольте мне, — изрекает солидный гость, пытаясь издали привлечь внимание своей супруги, — познакомить миссис Подснеп с хозяином дома. Она будет весьма рада случаю, весьма рада! — Сам он так свеж и бодр, что эта фраза тоже кажется ему неувядаемо свежей и вечнозеленой.

Тем временем миссис Подснеп, которой невозможно впасть в ошибку, ибо миссис Вениринг единственная дама в комнате, кроме нее самой, старается по мере сил оказывать поддержку своему супругу и, с сожалением глядя издали на мистера Твемлоу, сочувственно замечает миссис Вениринг, во-первых, что ее муж, должно быть, страдает разлитием желчи и, во-вторых, что малютка уже и сейчас похожа на него как две капли воды.

Едва ли кому вообще может быть приятно, что его приняли за другого; тем более мистеру Венирингу, который специально для этого вечера облачился в крахмальную рубашку, достойную молодого Антиноя (белого батиста, с вышивкой, только что от швеи), отнюдь не лестно, что за него приняли Твемлоу, сухопарого, морщинистого и по крайней мере тридцатью годами старше. Миссис Вениринг тоже возмущена тем, что ее сочли за жену Твемлоу. Сам же Твемлоу чувствует себя настолько выше Вениринга по воспитанию и положению в обществе, что солидный гость кажется ему просто невежей и ослом.

Вениринг, видя такое затруднительное обстоятельство, сам подходит к солидному гостю и, протянув руку, с улыбкой уверяет неисправимого путаника, что очень рад его видеть, на что тот отвечает нимало не медля, со своей неизменной наглостью:

— Благодарю вас! Извините, я что-то не припомню, где мы с вами познакомились; но я все-таки очень рад этому случаю, очень рад!

Затем он набрасывается на Твемлоу, хотя тот упирается из последних сил, и тащит его к миссис Подснеп, чтобы

представить ей в качестве Вениринга; но тут, с прибытием новых гостей, ошибка разъясняется. После чего Подснеп еще раз пожимает руку Венирингу как Венирингу, а Твемлоу — как Твемлоу и, к полному своему удовольствию, завершает все репликой по адресу последнего:

— Забавный случай, но все-таки я очень рад, очень рад!

После того как мистер Твемлоу пережил такое ужасное потрясение и имел случай наблюдать превращение Бутса в Бруэра, а Бруэра в Бутса, и, кроме того, видел, что из семерых гостей четверо наиболее осторожных входят в комнату, блуждая глазами по сторонам, и наотрез отказываются решать на свой страх, который тут Вениринг, пока он сам с ними не поздоровается, — после всех этих испытаний колеблющийся разум Твемлоу крепнет, и сам Твемлоу готов поверить, что он действительно старейший друг Вениринга. Как вдруг все рушится, и разум Твемлоу помрачается снова: взор его встречает Вениринга под руку с солидным гостем; они стоят рядышком, словно братья-близнецы, в малой гостиной, у входа в оранжерею, слух Твемлоу ловит замечание миссис Вениринг о том, что солидный гость уже согласился крестить их малютку.

— Кушать подано! — возглашает меланхолический лакей, как бы говоря: «Грядите в столовую, несчастные сыны человеческие, и вкусите отравы!»

Твемлоу, который остался без дамы, плетется сзади, хватаясь за голову. Бутс и Бруэр думают, что он захворал, и шепчутся: «Ослаб, должно быть. Еще не завтракал». Но он только подавлен загадкой жизни.

После супа Твемлоу оживает и мирно беседует с Бутсом и Бруэром о последнем номере «Придворных новостей». Когда подают рыбу, Вениринг обращается к нему с вопросом, в городе ли его кузен лорд Снигсворт. Твемлоу сообщает, что кузен сейчас за городом. «В Снигсворти-парке?» — осведомляется Вениринг. «Да, в Снигсворти», — отвечает Твемлоу. Бутс и Бруэр делают вывод, что такое знакомство надо поддерживать, а Вениринг убеждается, что сделал ценное приобретение. Тем временем лакей обходит вокруг стола, мрачный как химик, занимающийся анализом, и кажется, что, предлагая гостям шабли, он думает про себя: «Кабы вы знали, из чего оно делается, вы бы его и в рот не взяли».

Большое зеркало над буфетом отражает стол и сидящее за ним общество. Отражает новый герб Венирингов: золотой с серебром верблюд в разных видах: и матовый, без блеска, и полированный, с блеском. Гერальдическая коллегия отыскала для Вениринга крестоносца-предка, который носил на щите верблюда, — или мог бы носить, если бы догадался об этом вовремя, — и теперь караван тянется по всему столу, нагруженный цветами, фруктами, восковыми свечами, и становится на колени с грузом соли. Отражает Вениринга, брюнета лет сорока, с волнистыми волосами, склонного к полноте, изворотливого, загадочного и туманного — нечто вроде пророка под покрывалом, довольно представительного, но только без пророчеств. Отражает миссис Вениринг, блондинку с орлиным носом, орлиными пальцами и не слишком густыми волосами, блистающую шелками и драгоценностями, восторженную, благосклонную, вполне уверенную в том, что мантия пророка одним концом прикрывает и ее самое. Отражает Подснепа, отлично упитанного, с двумя полосками светлой щетины по обеим сторонам лысой головы, похожими более на щетки для волос, чем на самые волосы, с красными прыщами на лбу и широкой полоской измятого воротничка на затылке. Отражает миссис Подснеп, великолепный экземпляр с точки зрения профессора Оуэна: сплошной костяк, шея и ноздри, как у игрушечной лошадки, резкие черты, величественная прическа, увешанная дарами Подснепа словно жертвенник. Отражает Твемлоу, седого, сухонького, подверженного простудам, в точно таком же воротничке и галстукe, как у первого джентльмена Европы, с такими втянутыми щеками, словно он сделал когда-то попытку уйти в себя, да так и остался, не в силах двинуться дальше. Отражает пожилую молодую особу с черными как смоль локонами и цветом лица, который очень выигрывает от пудры, не без успеха пленяющую пожилого молодого человека, который отличается излишне крупным носом, излишне рыжими бакенбардами, излишне тесным жилетом, излишним блеском запонок, пуговиц, глаз, разговора и зубов. Отражает престарелую очаровательницу леди Типпинз, справа от Вениринга, с серым, непомерной длины лицом, словно отраженным в столовой ложке, и кра-

шенным пробором, — весьма удобной дорогой к пучку фальшивых волос на затылке, — покровительственно беседующую с миссис Вениринг напротив нее, которая с радостью принимает это покровительство. Отражает некоего Мортимера, еще одного из старейших друзей Вениринга, который до сих пор ни разу не бывал в доме и больше бывать не собирается; его заманила сюда леди Типпинз (подруга его детства) с тем, чтобы он приехал к этим людям и разговаривал, а он сидит с безутешным видом по левую руку от миссис Вениринг и не желает разговаривать. Отражает Мортимерову друга Юджина, который погребен заживо в глубине кресла, за плечом пожилой молодой особы с эполетой из пудры, и находит утешение единственно в шампанском, которое время от времени разносит Химик. Наконец, в зеркале отражаются Бруэр с Бутсом и остальные два Буфера, которых разместили среди прочих гостей в виде затычек, на случай возможного столкновения.

Обеды у Венирингов превосходные — иначе новые знакомые не стали бы к ним ездить, — и все идет как полагается. Достойны внимания опыты, производимые леди Типпинз над своим пищеварением, настолько сложные и смелые, что если бы опубликовать их результаты, то это было бы благодеянием для всего человечества. Нагрузившись провизией со всех концов земли, эта крепкая старая шхуна достигает наконец Северного полюса и, в то время как убирают тарелочки из-под мороженого, произносит следующие слова:

— Уверяю вас, дорогой мой Вениринг...

(Бедняга Твемлоу подносит руку ко лбу, терзаемый опасениями, что самым старым другом Венирингов, пожалуй, окажется леди Типпинз.)

— Уверяю вас, дорогой мой Вениринг, что это очень любопытное дело! Я не прошу вас верить мне на слово, без самых надежных рекомендаций, как говорится в рекламах. Вот моя рекомендация — Мортимер, ему все это известно.

Мортимер приподнимает усталые веки и слегка открывает рот. Но тут по его лицу проходит слабая улыбка, говорящая: «Какой смысл разговаривать!» — и он снова опускает веки и закрывает рот.

— Ну, Мортимер, — произносит леди Типпинз, постукивая сложенным веером по костяшкам левой руки, состоящей как будто из одних костяшек, — я требую, чтобы вы рассказали решительно все, что вам известно об этом человеке с Ямайки.

— Даю вам честное слово, я ничего не слышал ни про какого человека с Ямайки, разве только про того чернокожего, который человек и брат наш.

— Тогда с Тобаго.

— И с Тобаго не слышал.

— Разве только, — вмешивается Юджин так неожиданно, что пожилая молодая особа, совсем про него забывшая, вздрагивает и убирает подальше от него эполету из пудры, — разве только про нашего друга, который ничего и в рот не брал, кроме кашки и желе, но доктор что-то там сказал, и тогда он уписал... бараний бок, кажется.

За столом все оживляются, создается впечатление, что Юджин вот-вот разговорится. Впечатление обманчивое, — он опять замыкается в молчании.

— Милая моя миссис Вениринг, — говорит леди Типпинз, — скажите на милость, что может быть гнуснее такого поведения? Я везде вожу за собой своих поклонников, по двое и по трое зараз с условием, чтобы они вели себя преданно и покорно, а тут первый мой раб, глава всех прочих моих рабов, вдруг взбунтовался и сбрасывает оковы при посторонних! Да еще другой мой поклонник, правда пока что неотесанный Кимон, однако я не теряю надежды сделать из него что-нибудь порядочное, вдруг прикидывается, будто не может припомнить какие-то детские стишки! Нарочно, лишь бы рассердить меня, ведь ему известно, что я их просто обожаю!

Леди Типпинз упорно держится этой зловещей выдумки насчет своих поклонников. Ее всегда сопровождают один или два поклонника. Она ведет список своих поклонников и то вписывает в него нового поклонника, то вычеркивает старого поклонника, то заносит поклонника в черный список, то переносит поклонника в золотой список, то подсчитывает своих поклонников, то еще как-нибудь выставляет на вид свой список. Миссис Вениринг очарована таким

остроумием, сам Вениринг тоже. Быть может, оно действует еще сильнее оттого, что какой-то клубок все время катается у леди Типпинз под кожей на желтой шее, похожей на куриную ногу.

— С этой минуты я прогоняю коварного изменника, дорогая моя, и с этого самого вечера вычеркиваю его имя из Купидона (так называется моя книжка). Но я не отстану, пока мне не расскажут про человека неизвестно откуда, а так как сама я потеряла всякое влияние, то попрошу вас, душенька, добейтесь этого для меня. О коварный! — Это она говорит Мортимеру, постукивая зеленым веером.

— Мы все очень интересуемся человеком неизвестно откуда, — замечает Вениринг.

Тут все четыре Буфера, набравшись храбрости, говорят разом:

- Очень интересно!
- Это так волнует!
- Как драматично!
- Это человек ниоткуда?

И тут миссис Вениринг — так заражающе действуют обольстительные кривлянья леди Типпинз, — сложив руки на манер просящего ребенка, обращается к соседу слева и шепелявит:

- Плосу вас! Позалуста! Пло целовека ниоткуда!

Причем все четыре Буфера, словно движимые все разом какую-то таинственной силой, восклицают:

- Как можно устоять!

— Клянусь жизнью, — томно говорит Мортимер, — чрезвычайно затруднительно рассказывать, когда на тебя обращены глаза всей Европы, и я утешаюсь единственно тем, что все вы будете в душе проклинять леди Типпинз, когда сами увидите, что человек неизвестно откуда просто скучен, а это вы непременно увидите. Конечно, жаль разрушать романтику, прикрепляя его к определенному месту жительства, хотя я и позабыл, как оно называется, но, может быть, кто-нибудь другой здесь припомнит, — там еще выделывают вино.

— Фабрика ваксы Дея и Мартина, — подсказывает Юджин.

— Нет, не то, — невозмутимо возражает Мортимер, — там делают портвейн. А мой герой оттуда, где делают капское вино. Да ты послушай, старина, ведь это не какая-нибудь статистика, а довольно любопытное дело.

Замечательно то, что за столом Венирингов никто из гостей не обращает внимания на самих хозяев, и если есть что рассказать, предпочитают обычно рассказывать кому-нибудь другому.

— Этот человек, по фамилии Гармон, — продолжает Мортимер, обращаясь к Юджину, — был единственным сыном прожженного старого мошенника, который нажил себе состояние на мусоре.

— В красном плисе и с колокольчиком? — спрашивает мрачный Юджин.

— И с лестницей и корзинкой, если хочешь. Так или иначе, с течением времени он разбогател на мусорных подрядах, — а жил он в ложбине между горами, целиком составленными из мусора. На своем собственном небольшом участке этот старый брюзга насыпал свой собственный горный хребет, наподобие старого вулкана, а основой его геологической формации послужил мусор. Угольный мусор, овощной мусор, костяной мусор, битая посуда, крупный мусор, просеянный мусор — словом, мусор всех сортов.

Мимолетное воспоминание о миссис Вениринг заставляет Мортимера адресоваться к ней со следующими пятью-шестью словами, потом, снова забывшись, он обращает свою речь к Твемлоу, не находит в нем отклика и наконец вступает в общение с Буферами, которые принимают его с восторгом.

— Душе, — кажется, я правильно выразился? — этого образцового экземпляра доставляло высочайшее наслаждение проклинать своих близких родственников и выгонять их из дому. Естественным образом, он начал с того, что оказал внимание своей собственной жене, а затем, на досуге, смог заняться и дочерью, равным образом признав ее права. Он выбрал для нее мужа, считаясь единственно со своим собственным вкусом, но не с ней, и собирался уже закрепить за дочерью, в виде приданого, не знаю сколько мусора,

но только невероятно много. Когда дело дошло до этого, дочь почтительно сообщила, что она уже обручена тайно с тем весьма популярным персонажем, которого романисты и стихотворцы именуют «Другой», и что брак по выбору отца обратит ее сердце в прах и самую жизнь в мусор, — словом, заставит ее заняться делом отца в весьма широких масштабах. Немедленно вслед за этим почтенный родитель — как говорят, в холодную зимнюю ночь, — проклял ее и выгнал вон из дому.

Тут Химик (по-видимому, составивший себе весьма невыгодное мнение о рассказе Мортимера) уделяет всем Буферам понемножку красного вина, и те, опять-таки движимые все сразу некоей таинственной силой, медленно просмаковав его с особенной гримасой наслаждения, восклицают хором:

— Продолжайте, пожалуйста!

— Денежные ресурсы Другого оказались, как это обычно бывает, крайне ограничены. Кажется, я несколько не преувеличу, если скажу, что Другой вечно сидел на мели. Тем не менее он женился на молодой особе, и они поселились в скромном жилище, вероятно с крылечком, увитым жимолостью и каприфолием, где и жили до самой ее смерти. На вопрос, какая причина смерти была указана в свидетельстве, мог бы вам ответить только регистратор того округа, где находилось скромное жилище, но ранние тревоги и горе, конечно, тоже должны были сыграть свою роль, хотя о них ничего не говорится в графленных листках и печатных бланках. Несомненно, так же обстояло дело и с Другим: утрата молодой жены настолько его потрясла, что если он и пережил ее, то самое большее на год.

В ленивой речи Мортимера слышится некий намек на то, что если светское общество бывает способно в иных случаях растрогаться, то и он, принадлежа к светскому обществу, тоже может позволить себе эту слабость и растрогаться тем, о чем он здесь рассказывал. Он прилагает все старания, чтобы это скрыть, но безуспешно. На мрачного Юджина рассказ тоже производит впечатление: когда зловещая Типпинз объявляет, что, если бы Другой не умер, она отдала бы ему

первое место в списке своих поклонников, а пожилая молодая особа улыбается и пожимает эполетами, внимая пожилому молодому человеку, который что-то шепчет ей на ухо, мрачность Юджина доходит до такой степени, что он начинает свирепо играть фруктовым ножичком.

Мортимер продолжает:

— Теперь мы должны возвратиться, как говорят романисты (и, по-моему, напрасно говорят), к человеку неизвестно откуда. Когда изгнали его сестру, он, в то время мальчик лет четырнадцати, воспитывался на медные деньги в Брюсселе и узнал об этом не сразу — от кого, не могу сказать точно, вероятно, от нее самой, так как их мать уже умерла. Не теряя времени, он бежал из Брюсселя и явился сюда. Должно быть, мальчик был находчивый и с характером, если сумел добраться домой, не имея даже пяти су карманных денег в неделю; однако это ему удалось, он явился к отцу неожиданно, как снег на голову, и заступился за сестру. Почтенный родитель немедленно прибегает к проклятию и выгоняет сына вон. Потрясенный и испуганный мальчик покидает родину и, отправляясь на поиски счастья, садится на корабль, а в конце концов оказывается на суше, там, где делают капское вино, владельцем участка, фермером, плантатором — называйте как хотите.

В эту минуту в прихожей слышится какое-то шарканье, затем раздается стук в дверь столовой. Химик идет к дверям, сердито пререкается с невидимым посетителем, должно быть, смягчается, узнав причину стука, и выходит из комнаты.

— И вот, совсем недавно, он вновь появляется на сцене после четырнадцатилетнего отсутствия.

Один из Буферов неожиданно изумляет трех остальных и, обособившись от них, спрашивает, проявляя некую индивидуальность:

— Каким образом появляется и почему?

— Да! Вот именно. Благодарю вас за напоминание. Почтенный родитель умирает.

Тот же Буфер, осмелев от успеха, задает вопрос:

— Когда?

— Не так давно. Полгода или год тому назад.

Тот же Буфер бойко вопрошает:

— Отчего же? — Но мгновенно увядает, ибо остальные три Буфера глядят на него холодно, и после этого вопроса уже решительно никто не хочет его замечать.

— Почтенный родитель умирает, — снова повторяет Мортимер и, вспомнив мимоходом, что за столом сидит некий Вениринг, впервые за все время обращается к нему.

Польщенный Вениринг важно повторяет его слова, складывает руки на груди и, разгладив морщины на челе, готовится беспристрастно выслушать все до конца, но тут же замечает, что снова остался в одиночестве среди холодного света.

— Находят его завешание, — продолжает Мортимер, встречая взгляд лошади-качалки, миссис Подснеп. — Судя по дате, оно составлено вскоре после побега сына. Один из мусорных хребтов, тот, что пониже, вместе с домиком у его подножия, предназначается старому слуге и единственному душеприказчику, а все остальное состояние — очень значительное — сыну. На тот случай, если б он ожил, он завещает себя похоронить со всякими эксцентрическими церемониями и предосторожностями, которыми я не намерен вам докучать, и это все, кроме разве... — И он умолкает.

Тут возвращается Химик, и все смотрят на него. Не потому, что он кому-нибудь нужен, но повинаясь хитрому велению природы, в силу которого люди пользуются малейшим предлогом глядеть на что угодно, только не на того, с кем беседуют.

— ...Кроме разве того, что сын получит наследство только при условии, если женится на девушке, которая была ребенком лет четырех или пяти, когда писалось завешание, а теперь стала взрослой девушкой-невестой. Объявления и расспросы выяснили, что человек неизвестно откуда и есть тот самый сын; теперь он возвращается на родину, для того чтобы унаследовать большое состояние и жениться — и, натурально, себя не помнит от изумления.

Миссис Подснеп интересуется, привлекательна ли молодая особа по внешности? Мортимер ничего не может сообщить на этот счет. Мистер Подснеп интересуется, что станет с большим состоянием, если условие относительно женить-

бы не будет выполнено? Мортимер отвечает, что в завещании имеется особый пункт, по которому состояние в таком случае переходит к вышеупомянутому слуге, минуя сына; а кроме того, если бы сына не оказалось в живых, этот же слуга стал бы единственным наследником.

Миссис Вениринг только что разбудила всхрипавшую леди Типпинз, ловко направив через стол целый поезд тарелок и блюд к ее костяшкам, когда все, кроме самого Мортимера, замечают, что Химик, возникнув за его спиной словно привидение, подносит ему сложенную записку. Из любопытства миссис Вениринг на минутку задерживается в столовой.

Мортимер, вопреки всем уловкам Химики, безмятежно смакует рюмку мадеры, даже не подозревая о наличии документа, овладевшего всеобщим вниманием, пока леди Типпинз (по привычке обеспамятев со сна) не припоминает наконец, где она находится, и, снова обретя способность узнавать окружающих, обращается к нему:

— Изменник, превзошедший Дон Жуана, почему же вы не берете записку от Командора?

После чего Химик сует ее прямо под нос Мортимеру, который оглядывается на него и спрашивает:

— Что это такое?

Химик, наклонившись к нему, что-то шепчет.

— Кто? — спрашивает Мортимер.

Химик опять наклоняется и шепчет.

Мортимер, взглянув на него с изумлением, разворачивает записку. Читает ее раз, читает другой, переворачивает и, разглядев обратную сторону, читает в третий раз.

— Записка получена как нельзя более кстати, — говорит Мортимер и с изменившимся выражением лица оглядывает сидящих за столом, — это конец истории моего героя.

— Давно женат? — догадывается один из гостей.

— Отказывается жениться? — догадывается другой.

— Приписка к завещанию, обнаруженная среди мусора? — догадывается третий.

— Да нет, — говорит Мортимер. — Замечательно то, что все вы ошибаетесь. Эта история гораздо обстоятельнее и, пожалуй, драматичнее, чем я думал. Он утонул.

ГЛАВА III

Другой человек

Дамские шлейфы уже исчезали из виду, поднимаясь из столовой в гостиную по лестнице, когда Мортимер, выйдя вслед за ними, повернул в библиотеку, полную новехоньких книг в новехоньких, густо позолоченных переплетах, и выразил желание видеть посыльного, который принес записку. Посыльный оказался мальчиком лет пятнадцати. Мортимер смотрел на мальчика, а мальчик смотрел на процессию новеньких с иголочки кентерберийских пилигримов в массивной золотой раме с резьбой, которая занимала гораздо больше места, чем сама процессия.

- Чей это почерк?
- Мой, сэр.
- А кто тебе велел написать записку?
- Мой отец, Джесс Хэксем.
- Это он нашел тело?
- Да, сэр.
- Чем занимается твой отец?

Мальчик замялся и, глядя на пилигримов с упреком, словно по их вине попал в затруднительное положение, ответил, разглаживая рукой складку на правой штанине:

- Промышляет кое-чем на реке.
- Это далеко отсюда?
- Что далеко? — уклончиво переспросил мальчик, все так же глядя на шествие пилигримов в Кентерберии.

- Ваш дом?
- Порядочно, сэр. Я приехал в кебе и не отпустил его, он и сейчас дожидается, чтобы ему заплатили. Если хотите, мы бы с ним и доехали, а потом бы вы заплатили. Я сначала зашел к вам в контору, по адресу, который нашли у него в кармане, а в конторе никого не было, один только мальчишка вроде меня, он-то и послал меня сюда.

Мальчик представлял собою смесь еще не выветрившейся дикости с еще не укоренившейся цивилизацией. Голос у него был грубый и хриплый, и лицо у него было грубое, и шуплая фигура тоже была грубовата; но он казался опрятнее других мальчиков его склада и глядел на корешки

книг с живым любопытством, которое относилось не к одним только переплетам. Тот, кто научился читать, смотрит на книгу совсем не так, как неграмотный, даже если она не раскрыта и стоит на полке.

— Не знаешь ли ты, мальчик, были приняты какие-нибудь меры, чтобы вернуть его к жизни? — спросил Мортимер, разыскивая свою шляпу.

— Вы не стали бы спрашивать, сэр, если бы видели, в каком он состоянии. Легче было бы вернуть к жизни воинство фараоново, которое потонуло в Чермном море. Если б Лазарь сохранился вдвое лучше, и то уж было бы чудо из чудес.

— Ого, мой юный друг! — воскликнул Мортимер, уже надев шляпу и оборачиваясь к нему, — кажется, в Чермном море ты как у себя дома?

— Слышал про него в школе, от учителя, — ответил мальчик.

— А про Лазаря?

— И про него тоже. Только отцу не говорите! Дома нам житья не будет, если он узнает. Это все моя сестра устроила.

— У тебя, должно быть, хорошая сестра?

— Неплохая, — сказал мальчик, — только дальше азбуки ничего не знает, да и тому я ее выучил.

Вошел мрачный Юджин, засунув руки в карманы, и застал конец разговора: услышав, как пренебрежительно мальчик отзывается о сестре, он без всякой церемонии взял его за подбородок и повернул к себе лицом, чтобы разглядеть хорошенько.

— Ну хватит, сэр! — сказал мальчик, вырываясь. — Теперь, я думаю, вы где угодно меня узнаете.

Юджин, не удостоив его ответом, предложил Мортимеру:

— Я поеду с тобой, если хочешь.

И все втроем они уселись в тот экипаж, который привез мальчика: оба друга (учившиеся когда-то в одной школе) — внутри кеба, с сигарами в зубах, а посыльный — на козлах, рядом с кучером.

— Нет, ты послушай, — говорил Мортимер дорóгой, — я уже пять лет состою в списке адвокатов при Верховном Канцлерском суде, а кроме того, в списке поверенных при

Суде Общего права, и, если не считать бесплатных консультаций раза два в месяц по завещанию леди Типпинз, которой решительно нечего завещать, у меня не было и нет никаких дел, кроме вот этого романтического случая.

— А я, — отвечал Юджин, — вот уже семь лет как «допущен к делам», а никаких дел у меня еще не было и никогда не будет. Да если бы и подвернулись, я бы не знал, как их вести.

— Вот на этот счет мне и самому далеко не ясно, много ли я выиграл сравнительно с тобой, — невозмутимо возразил Мортимер.

— Ненавижу, — сказал Юджин, кладя ноги на противоположное сиденье, — ненавижу свою профессию.

— Тебя не беспокоит, если и я свои ноги положу рядом? — спросил Мортимер. — Спасибо. Я тоже ненавижу свою профессию.

— Мне ее навязали, — мрачно сказал Юджин, — так уж считалось, что у нас в семье должен быть юрист. Ну и получили сокровище.

— Мне эту профессию навязали, — сказал Мортимер, — потому что считалось, что у нас в семье должен быть адвокат. И тоже получили сокровище.

— Нас четверо, и все наши фамилии написаны на дверях темной дыры, именуемой «апартаментами», — сказал Юджин, — и каждый из нас владеет четвертой частью конторского мальчика — Касим-бабы в пещере разбойников, — и этот Касим-баба единственный порядочный человек из всей компании.

— Я живу в полном одиночестве, — сказал Мортимер, — подниматься ко мне надо по ужасной лестнице; окна выходят на кладбище, и мне одному полагается целый мальчишка, которому нечего делать, разве только любоваться этим кладбищем, — и что из него выйдет в зрелом возрасте — решительно не представляю себе. О чем он думает, сидя в этом грачином гнезде; замышляет убийство или подвиг добродетели, получится ли из него после этих уединенных размышлений что-нибудь на пользу ближним или, наоборот, во вред, — вот единственная крупница интереса, какую можно усмотреть с профессиональной точки зрения. Дай-ка мне огня! Спасибо.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Книга первая УСТА И ЧАША

Глава I. На ловле	5
Глава II. Человек неизвестно откуда	10
Глава III. Другой человек	24
Глава IV. Семейство Р. Уилфера	40
Глава V. «Приют Боффина»	54
Глава VI. По течению	73
Глава VII. Мистер Вегг заботится о себе самом	92
Глава VIII. Мистер Боффин советуется	102
Глава IX. Мистер и миссис Боффин советуются	118
Глава X. Брачный договор	135
Глава XI. Подснепы	151
Глава XII. Честный человек в поте лица	170
Глава XIII. По следам стервятника	188
Глава XIV. Стервятник пойман	199
Глава XV. Новые слуги	208
Глава XVI. О питомцах и намеках	224
Глава XVII. Трясина	243

Книга вторая ОДНОГО ПОЛЯ ЯГОДА

Глава I, трактующая о педагогике	249
Глава II. Все еще о педагогике	271
Глава III. Меры приняты	285
Глава IV. Купидон играет под суфлера	299
Глава V. Меркурий суфлирует сам	314
Глава VI. Загадка без отгадки	333
Глава VII, в которой двое заключают дружеский договор	348

Глава VIII, в которой совершается похищение, впрочем вполне невинное	362
Глава IX, в которой сирота оставляет завещание	382
Глава X. Преемник	391
Глава XI. Кое-что о сердечных делах	398
Глава XII. Главным образом о стервятниках	413
Глава XIII. Соло и дуэт	430
Глава XIV. Непоколебимое решение	447
Глава XV. Вот как обстоит дело	462
Глава XVI. Годовщина	480

Книга третья ДОЛГАЯ ДОРОГА

Глава I. Улица несостоятельных должников	496
Глава II. Почтенный друг в новом виде	510
Глава III. Тот же почтенный друг в разных видах	521
Глава IV. Серебряная свадьба	528
Глава V. Золотой Мусорщик попадает в дурное общество	543
Глава VI. Золотой Мусорщик попадает из огня да в полымя	560
Глава VII. Дружеский договор вступает в силу	577
Глава VIII. Конец долгого пути	591
Глава IX. Кое-кому предсказывают судьбу	604
Глава X. На разведке	624
Глава XI. Во мраке	639
Глава XII, предвещающая недоброе	650
Глава XIII. Худая слава бежит	660
Глава XIV. Мистер Вегт собирается прищемить нос мистеру Боффину	672
Глава XV. Золотой Мусорщик в самом худшем виде	687
Глава XVI. Пир трех человечков	704
Глава XVII. Общественный хор	721

Книга четвертая ПОВОРОТ

Глава I. Ловушка поставлена	735
Глава II. Золотой Мусорщик проявляет характер	747

Глава III. Золотой Мусорщик снова впадает в ничтожество	759
Глава IV. Тайный брак	772
Глава V, где говорится о супруге нищего	784
Глава VI. Помогите!	804
Глава VII. Лучше быть Авелем, чем Каином	819
Глава VIII. Немножко перца	831
Глава IX. Два вакантных места	844
Глава X. Кукольная швея отгадывает слово	857
Глава XI. К чему привела догадка маленькой швеи	865
Глава XII. Уходящая тень	878
Глава XIII показывает, как Золотой Мусорщик помогал разгребать мусор	894
Глава XIV. Дружеский договор терпит крах	906
Глава XV. Кто угодил в поставленную ловушку	920
Глава XVI. О прочих и о прочем	932
Глава последняя. Глас Общества	946
Постскриптум. Вместо предисловия	953

Диккенс Ч.

Д 45 Наш общий друг : роман / Чарльз Диккенс ; пер. с англ. Н. Волжиной, Н. Дарузес. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2021. — 960 с. — (Азбука-классика). ISBN 978-5-389-19145-7

Первое издание романа Чарльза Диккенса «Наш общий друг» (1864–1865) сопровождалось прикрепленным к началу тома листочком, уведомлявшим, что проницательный читатель поймет смысл названия, когда дойдет до девятой главы. Эта «детективная» выдумка, обещающая игру в сюжетные тайны, продолжается и в самой книге: история лондонского «мусорщика-миллионера» Гармона, разбогатевшего на муниципальных подрядах, его наследника Джона, объявленного погибшим, и капризной красавицы Беллы Уилфер, девушки из бедной семьи, мечтающей о выгодном браке, строится на подменах личности, маскарадных переоблачениях и внезапных разоблачениях, содержит эпизоды шантажа и попыток убийства и другие приметы криминального повествования. Последний завершенный роман Диккенса, «Наш общий друг» развивает темы двойственности человеческой природы, поиска подлинного «я» и свободы жизненного выбора, которые станут главными в финальном шедевре писателя — интригующе неоконченном детективе «Тайна Эдвина Друда».

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Литературно-художественное издание

ЧАРЛЬЗ ДИККЕНС НАШ ОБЩИЙ ДРУГ

Ответственный редактор Сергей Антонов
Художественный редактор Вадим Пожидаев-мл.
Технический редактор Татьяна Раткевич
Компьютерная верстка Екатерины Киселевой
Корректоры Юлия Теплова, Наталья Бобкова
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 29.04.2021. Формат издания 75 × 100^{1/32}.
Печать офсетная. Тираж 5000 экз. Усл. печ. л. 42,3. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru
В Санкт-Петербурге: Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (812) 327-04-55, факс: (812) 327-01-60. E-mail: trade@azbooka.spb.ru
В Киеве: ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua
Информация о новинках и планах на сайтах:
www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей и творческого сотрудничества
размещена по адресу: www.azbooka.ru/new_authors/

A-AKB-27838-01-R